

Как сделать Интернет безопасным для демократии

Регулирование контента в социальных сетях практически невозможно. Необходимо масштабное переосмысление основ антимонопольного права.

Френсис Фукуяма | 15.01.2020

На Facebook надвигается «экзистенциальная» угроза

В октябре разразился конфликт между одним из ведущих кандидатов в президенты США от Демократической партии, сенатором Элизабет Уоррен, и гендиректором Facebook Марком Цукербергом. Уоррен призвала раздробить Facebook, а Цукерберг, выступая перед сотрудниками, заявил, что это «экзистенциальная» угроза для его компании. После этого Facebook раскритиковали за публикацию рекламы, агитирующей за переизбрание президента Дональда Трампа, в которой содержалась откровенно лживая информация: обвинения в коррупции в адрес бывшего вице-президента Джо Байдена, еще одно ведущего кандидата от демократов. Уоррен устроила троллинг компании, разместив в ее сети собственную заведомо ложную рекламу.

Этот скандал стал результатом острых проблем, создаваемых социальными сетями для американской демократии – и более того, для всех демократических стран. Во многих отношениях Интернет вытеснил традиционные СМИ, в частности газеты и телевидение, в качестве ведущего источника информации об общественных событиях, а также в качестве места, в котором они обсуждаются. Но социальные сети обладают несравнимо большей способностью усиливать отдельные голоса, и они могут использоваться в качестве оружия силами, враждебными демократии, – от российских троллей до американских сторонников теорий заговора. В результате, зазвучали призывы к правительству начать регулировать Интернет-платформы с целью защитить демократический диалог.

Однако какие именно формы регулирования являются конституционными и реализуемыми? Первая поправка в конституции США обеспечивает очень сильную защиту свободы слова. Многие

консерваторы обвиняют Facebook и Google в «цензурировании» голосов правых сил, но первая поправка применяется только к ограничениям свободы слова со стороны государства. Законодательство и прецедентное право защищают право частных организаций, например, Интернет-платформ, модерировать собственный контент. Кроме того, статья 230 закона 1996 года «О приличиях в средствах коммуникаций» освобождает их от юридической ответственности, которая в ином случае мешала бы им курировать контент.

Социальные сети могут использоваться в качестве оружия силами, враждебными демократии. В результате, зазвучали призывы к правительству начать регулировать Интернет-платформы.

Наоборот, правительство США сталкивается с серьезными ограничениями своих возможностей цензурировать контент в Интернете настолько же прямо, как это делает, например, Китай. Тем не менее, США и другие развитые демократические страны регулируют свободу слова менее грубыми способами. Это особенно касается традиционных вещательных СМИ, в которых правительства влияют на общественный диалог путем лицензирования каналов вещания, запрещения определенных форм высказывания (например, подстрекание к терроризму или жесткая порнография) или, наконец, путем создания государственных вещателей с мандатом на предоставление надежной и политически сбалансированной информации.

Изначальный мандат Федеральной комиссии по связи (FCC) заключался не просто в регулировании частных вещателей, но и в поддержании широких «общественных интересов». Этот мандат эволюционировал затем в «Доктрину справедливости» FCC, которая предписывала ТВ- и радиовещателям передавать политически сбалансированную информацию и мнения. Конституциональность этого вмешательства в свободу слова частных лиц была оспорена в 1969 году в рамках дела «[Red Lion Broadcasting Co. против FCC](#)», в котором Верховный суд подтвердил право комиссии заставлять радиостанцию транслировать ответы на выступления консервативного комментатора. В обосновании этого решения указывалось на скудость спектра вещания и олигополистический контроль над общественным диалогом, которым обладали три ведущие в то время сети телевещания.

Однако решение по делу Red Lion не стало установившейся нормой, потому что консерваторы продолжали оспаривать «Доктрину справедливости». Президенты-республиканцы неоднократно налагали вето на попытки демократов превратить это решение в закон, а сама FCC отменила свою доктрину в 1987 году административным решением.

Регуляторный подход к модерированию контента является тупиковым – не в принципе, но в практическом плане

История с появлением и исчезновением «Доктрины справедливости» показывает, насколько трудно будет создать ее эквивалент в эпоху Интернета. Есть много параллелей между тем временем и нынешним, и они касаются масштабов. Сегодня Facebook, Google и Twitter публикуют подавляющее большинство выступлений в Интернете и находятся в той же самой олигополистической позиции, что и три крупнейшие телевизионные сети в 1960-е годы. Но невозможно себе представить, чтобы нынешняя FCC сформулировала современный эквивалент

«Доктрины справедливости». Наша политическая жизнь намного сильнее поляризована; будет невозможно договориться о том, что именно представляет собой неприемлемая речь (например, различные теории заговора, которые выдвигает Алекс Джонс, в том числе, будто массовое убийство в школе города Ньютаун, штат Коннектикут, в 2012 году было симуляцией). Регуляторный подход к модерированию контента является, следовательно, тупиковым – не в принципе, но в практическом плане.

Именно поэтому нам необходимо рассмотреть антимонопольные действия в качестве альтернативы регулированию. Право частных игроков на саморегулирование контента рьяно защищается в США. Мы не жалуемся, когда газета «New York Times» отказывается публиковать Джонса, потому что газетный рынок децентрализован и конкурентен. А вот решение Facebook или YouTube не давать ему слова вызывает намного больше последствий, потому что они владеют монопольным контролем над выступлениями в Интернете. Facebook обладает огромной силой, но при этом является частной компанией, и поэтому вряд ли будет считаться легитимным принятие ею подобных решений.

С другой стороны, нас бы намного меньше тревожили решения Facebook о модерировании контента, если бы эта сеть была лишь одной из нескольких конкурирующих Интернет-платформ с различающимися взглядами на то, что является приемлемым. Это указывает на необходимость масштабного переосмысления фундаментальных основ антимонопольного права.

Регуляторы и судьи сегодня рассматривают антимонопольную политику в рамках концепции, сложившейся в 1970-е и 1980-е годы в качестве побочного продукта расцвета Чикагской экономической школы, которая отстаивала свободу рынка. Как рассказывается в новой книге Биньямина Эпплбаума «Час экономистов», такие фигуры, как Джордж Стиглер, Аарон Директор и Роберт Борк настойчиво критиковали излишне рьяное применение антимонопольных мер. Их аргументы в основном были экономическими: антитрастовые законы использовались против компаний, которые стали большими, потому что были инновационными и эффективными. Они доказывали, что единственным легитимным мерилom экономического ущерба, причиняемого крупными корпорациями, может быть снижение благосостояния потребителей, измеряемое в ценах или качестве. И они верили, что конкуренция в конечном итоге дисциплинирует даже крупнейшие компании. Например, fortuna IBM померкла не из-за антимонопольных действий правительства, а из-за распространения персональных компьютеров.

Впрочем, критики Чикагской школы выдвинули дополнительный аргумент: изначальных создателей антитрастового закона Шермана 1890 года интересовал лишь экономический эффект больших масштабов, а не влияние монополий на политику. Когда благосостояние потребителей служит единственным ориентиром, подталкивающим правительства к действиям, трудно найти аргументы против компаний, которые, подобно Google и Facebook, отдают свою основную продукцию бесплатно.

Правительство не может делегировать одной единственной частной компании (контролируемой в основном одним единственным человеком) задачу решать, что именно является приемлемой политической речью

Мы оказались сейчас в процессе серьезного переосмысления этого исторически унаследованного свода законов в свете изменений, вызванных цифровыми технологиями. Экономисты и правоведаы начинают понимать, что потребителям наносят ущерб такие явления, как утрата

конфиденциальности и упущенные инновации, поскольку Facebook и Google продают данные пользователей и покупают стартапы, которые могли бы бросить им вызов.

Однако политический ущерб, причиняемый большими масштабами бизнеса, также является критически важной проблемой, и его следует учитывать при реализации антимонопольной политики. Социальные сети используются в качестве оружия для подрыва демократии путем умышленного усиления потоков некачественной информации, теорий заговора и клеветы. Только Интернет-платформы имеют возможность отфильтровать весь этот мусор из системы. Однако правительство не может делегировать одной единственной частной компании (контролируемой в основном одним единственным человеком) задачу решать, что именно является приемлемой политической речью. Мы бы намного меньше беспокоились об этой проблеме, если бы Facebook был частью более децентрализованной и конкурентной экосистемы Интернет-платформ.

Лекарство будет очень трудно применить на практике: социальные сети от природы склонны масштабироваться, и совершенно не ясно, как можно раздробить компанию, подобную Facebook. Однако мы должны признать: хотя выступления в сети должны курировать частные компании, которые их размещают, подобная власть не будет безвредной до тех пор, пока она не распылена на конкурентном рынке.